
ТЕОРИЯ

Л. Е. ГРИНИН, А. В. КОРОТАЕВ

МАКРОЭВОЛЮЦИЯ И МИР-СИСТЕМА: НОВЫЕ ГРАНИ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ

ВВЕДЕНИЕ

Глобальный мир все более нуждается в глобальном социальном знании. Возможно, поэтому так ощущается нехватка продуктивных крупных концепций и методов, которые позволяли бы исследовать развитие обществ и крупных надобщественных систем в глобальном временном и пространственном масштабах; позволяли выделять в историческом многообразии общие черты и тенденции; определять иерархию причин, влияющих на ход исторического развития, и т. д. Данная статья имеет целью хоть в самой малой степени уменьшить этот концептуальный дефицит. Вот почему в ее названии объединены два очень крупных понятия, которые хотя и относятся к разным областям исследования, но имеют существенную и важную взаимосвязь.

Эта взаимосвязь в общем плане нам видится следующим образом. *Социальная макроэволюция* в нашем понимании – это *особое измерение социальной эволюции, включающее в себя серию наиболее важных эволюционных трансформаций, приведших к возникновению и развитию Мир-Системы* (и соответственно теория, которая сосредоточивается на их анализе). Генезис Мир-Системы и ряд дальнейших ее трансформаций относятся к узловым элементам социального макроэволюционного процесса; более того, появление Мир-Системы явилось не только важнейшим итогом всего предшествующего хода социальной эволюции, но и стало в известной мере рубежом, за которым уже совершенно необходимо различать социальную макроэволюцию как некую особую надобщественную часть социальной эволюции (то есть часть, которая уже не относит-

ся только к уровню отдельно взятого общества). Основные тенденции макроэволюции, такие как необратимость эволюции, ее особая направленность, вариативность, находят свое отражение как в чертах системности, так и в трансформациях Мир-Системы. Таким образом, *Мир-Система во многом выступает как один из важнейших результатов социальной макроэволюции*. Но, с другой стороны, с появлением Мир-Системы и с ее крупными изменениями происходит модификация протекания макроэволюционных процессов.

Таким образом, есть большой смысл в том, чтобы попытаться рассмотреть эти макроэволюционные и мир-системные трансформации в общем контексте. Объединение этих двух объектов исследования во многом диктовалось желанием осмыслить ход социальной эволюции, исторического процесса и их важнейших аспектов, не просто используя основные современные теоретические подходы, но используя их комплексно, поскольку именно комплексный подход может быть наиболее продуктивным для решения подобных крупномасштабных научных задач.

Кроме того, объединение исследования социальной макроэволюции и изучения развития Мир-Системы полезно и в том отношении, что хотя оба понятия, с одной стороны, имеют очень важное теоретическое и методологическое значение, но, к сожалению, они пока не являются широко утвердившимися. Поэтому важно продолжать их разрабатывать. Настоящая статья является лишь наброском, эскизом к решению поставленной задачи¹.

СОЦИАЛЬНАЯ МАКРОЭВОЛЮЦИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ АРОМОРФОЗЫ

Ниже мы скажем о том, что понимаем под социальной эволюцией, однако в настоящей статье мы рассматриваем главным образом только ее часть, точнее, особый тип социальной эволюции, которую мы считаем возможным назвать **социальной макроэволюцией**. В контексте данного исследования мы рассматриваем ее как такой тип социальной эволюции, в рамках которого наблюдаются крупные и крупнейшие изменения (инновации), которые оказали важнейшее влияние на ход исторического процесса в целом, а не только на историческую судьбу отдельных обществ и цивилизаций. Естественно, что такие в дальнейшем универсально перспективные

¹ Более основательно это взаимоотношение исследовано в находящейся в печати монографии авторов: Гринин, Коротаев 2008; см. также: Гринин, Коротаев 2007.

ответы на возникшие вызовы, удачные решения сложных проблем очень часто (хотя и не всегда) появлялись в каких-то конкретных обществах. Но они, с одной стороны, были подготовлены предшествующим развитием (в том числе и неудачным) целого ряда обществ и потому могут считаться общим, эволюционно синтезированным решением, а с другой – они раньше или позже оказывались востребованными многими обществами, цивилизациями, Мир-Системой или даже человечеством в целом. Поэтому такие важные инновации из-за своей особой значимости заслуживают и особого теоретического исследования, и даже больше – особой теории таких изменений. Теория социальной макроэволюции как раз является попыткой обозначить контуры такой теории.

Для того, чтобы придать понятию «социальная макроэволюция» некую операционную основу, мы посчитали необходимым ввести особое понятие **социального ароморфоза**, позаимствовав термин из эволюционной биологии. Под ароморфозами ряд отечественных биологов-эволюционистов вслед за А. Н. Северцовым (1939; 1967) понимают появление у организмов в процессе эволюции таких приспособлений, которые в дальнейшем становятся универсальными (или, по крайней мере, приобретают достаточно широкое распространение), позволяют организмам выйти на более высокий уровень организации, дают возможность расширить использование внешней среды; речь идет также и о направлениях эволюции, ведущих к формированию указанных признаков (см., например: Северцов, А. С. 1987: 64–76)². Классическими примерами биологических ароморфозов традиционно считаются: появление эукариотической клетки³, переход от одноклеточных организмов к многоклеточным (происходивший многократно и независимо во многих линиях одноклеточных эукариот); переход растений, членистоногих и позвоночных к жизни на суше; переход от дыхания ки-

² Для характеристики эволюционных изменений частного (не универсального) характера или не ведущих к усложнениям (упрощениям) организмов биологи-эволюционисты используют понятие *идеоадаптации* и некоторые другие (см.: Шмальгаузен 1939; 1969; Матвеев 1967; Северцов 1987; см. также: Гринин, Марков, Коротаев 2008).

³ Эукариотическая клетка – клетка (у одноклеточных «простейших» и многоклеточных организмов: грибов, растений и животных) с ясно выраженным клеточным ядром с оболочкой и типичным хромосомным аппаратом, позволяющим клетке делиться путем удвоения и разделения хромосом, в отличие от более древней прокариотической клетки, не имеющей четко дифференцированного ядра с оболочкой и типичного хромосомного аппарата. К прокариотам относятся две группы организмов: бактерии (или зубактерии) и археи (или архебактерии).

слородом, растворенным в воде, к дыханию атмосферным воздухом и весь сложный круг преобразований внутренних органов, связанный с этим; происхождение млекопитающих от зверозубых рептилий; появление человека разумного и др.

Понятия «ароморфоз» или эвристически аналогичного ему в теории социальной эволюции, к сожалению, не было выработано. Поэтому мы считаем, что адаптация этого понятия для социальной эволюции явится важным шагом вперед в развитии этого направления.

Поясним эту мысль. В определенном смысле нам кажется продуктивным предложение Х. Й. М. Классена рассматривать *эволюцию* как «процесс структурной реорганизации во времени, в результате которой возникает форма или структура, качественно отличающаяся от предшествующей формы» (Классен 2000: 7)⁴. Исходя из данного определения, о *социальной* эволюции в принципе тоже можно говорить как о процессе структурной реорганизации обществ или институтов во времени, в результате которой возникает форма или структура, качественно отличающаяся от предшествующей формы, что, как правило, дает такому обществу определенные преимущества (в широком смысле) в его взаимодействии с природной или социальной окружающей средой. Однако без инструмента, с помощью которого можно определить эволюционную важность таких структурных реорганизаций, а также их общеэволюционную перспективность или тупиковость, понять общий ход макроэволюции становится невозможным. К сожалению, в работах, посвященных социальной и культурной эволюции, подобная классификация эволюционных изменений практически отсутствует. Понятие социального ароморфоза, по нашему мнению, может выполнить задачу создания такой типологии и классификации.

Только при введении такого понятия социальной эволюционизм станет «истинно научной деятельностью по поиску номотетических объяснений для подобных структурных изменений» (если

⁴ Хотя само это определение принадлежит Ф. В. Воже (Voget 1975: 862), однако именно Классен наиболее последовательно отстаивает это определение в рамках социокультурной антропологии (Claessen and van de Velde 1982: 11ff.; 1985: 6ff.; 1987: 1; Claessen 1989: 234; 2000; Claessen and Oosten 1996 и т. д.).

использовать выражение Классена [Claessen 2000: 2], сделанное по другому поводу).

Однако необходимо сделать принципиальное уточнение. Дело в том, что среди эволюционистов не стихают споры о возможности и границах применимости эволюционной теории Дарвина к социальной эволюции. Но, к сожалению, в большинстве случаев наблюдается поляризация взглядов, либо почти полностью отрицающих ценность дарвиновской теории для социальной эволюции (например: Hallpike 1986), либо, напротив, доказывающих, что культурная эволюция демонстрирует ключевые дарвиновские эволюционные признаки, и поэтому структура науки о культурной эволюции должна разделять фундаментальные черты структуры науки о биологической эволюции (Mesoudi *et al.* 2006). Второй подход явно ведет в методологический тупик, поскольку у социальной и биологической эволюционной теории существенно разные объекты исследования (очевидно, что разные объекты будут диктовать и существенно разные методы и принципы исследования). Но и первый взгляд достаточно непродуктивен. Если между биологической и социальной эволюцией есть заметное сходство, то почему не использовать до определенного момента наработки эволюционной биологии в социальной науке? Такой подход является вполне оправданным, поскольку социальным наукам как более поздним по времени достижения зрелости вообще свойственно заимствование из естественных наук – от геологии до синергетики. И если в социальной науке удобный термин отсутствует, то почему бы его не взять из более развитой науки?

Мы считаем, что вместо давно устаревшего объективистского принципа «или – или» необходимо сосредоточиться на поиске методик применения достижений биологической эволюционной науки к социальной эволюции. Эти методики должны прежде всего определить те области, уровни, случаи и моменты, в которых допустимо такое использование, а также разумную степень и в целом принципы такого применения. С другой стороны, необходимо очень четко показать, где и в чем методы и выводы биологической эволюции нельзя использовать. В целом мы полагаем: использование выводов и принципов теории биологической эволюции для анализа процесса социальной эволюции вполне правомерно, допус-

тимо и продуктивно⁵, но только в строго определенных и оговоренных случаях и масштабах (некоторый опыт такого заимствования см.: Коротаев 1997; 2003; Гринин, Коротаев 2007; 2008; Гринин, Марков, Коротаев 2008).

Социальный ароморфоз можно приблизительно определить как понятие, которым объединяются универсальные (широко распространенные изменения) инновации в развитии социальных организмов и их систем, повышающие сложность, приспособленность, интегрированность и взаимное влияние обществ, способствующих формированию и прогрессивному развитию надобщественных систем разного уровня (см.: Гринин, Коротаев 2007; 2008; Гринин и др. 2008).

В качестве примеров социальных ароморфозов можно привести: изобретение системы первобытного эгалитарного перераспределения, способствующей лучшей адаптации к окружающей среде и устойчивости коллективов; идеологическое осмысление системы родства и свойства, создавшее универсально удобную систему социального структурирования; переход к производящему хозяйству, давшему начало мощнейшему увеличению объема продовольствия и использования энергии животных; создание крупномасштабной системы ирригации, обеспечившей базис цивилизации и государства; появление городов – в рамках процесса урбанизации только и могли развиваться все культурные и многие социальные процессы; общественное разделение труда, обеспечившее рост ремесла, торговли, управления, культуры; появление государства, в рамках которого качественно изменились все социальные, этнические и политические процессы; возникновение письменности, что стало основой информационного переворота и появления цивилизации, бюрократии, художественной культуры, науки; переход к металлургии железа, после чего только и могло завершиться формирование Мир-Системы в ее основных евразийских границах; появление мировых религий, позволивших культурно, идеологически и этически сблизить сотни до того чуждых друг другу обществ и народов; изобретение печатной технологии, давшей начало второму информационному перевороту; появление нового типа науки, основанной на математике, в результате чего масштабы инноваций увеличи-

⁵ Равно как и наоборот. Стоит напомнить общеизвестный факт, что ряд понятий для своей теории Ч. Дарвин взял из социальных наук, в частности из теории Т. Мальтуса.

лись на порядки; становление национального рынка, создавшего основы для промышленной революции; появление компьютерных технологий и т. п.

Естественно, что каждый из этих социальных ароморфозов имел массу самых разнообразных и обычно очень важных следствий, в целом способствующих повышению возможностей обществ в плане их устойчивости или расширению емкости используемой ими среды. Стоит заметить, что уже в биологической эволюции от ароморфоза к ароморфозу растет и вероятность возникновения последующих ароморфозов (Северцов 1987: 73), в социальной же эволюции это свойство усиливается на порядки.

В результате социальных ароморфозов: а) повышается уровень сложности обществ и увеличиваются возможности для них расширить (изменить) природную и социальную среду их существования и функционирования (в виде, например, роста населения и/или производства), а равно степень их устойчивости в отношении влияния среды; б) увеличивается скорость не разрушающих общественную систему развивающих изменений, включая скорость заимствований; в) растет степень интегрированности обществ, создаются особые стабильные надсистемы (например цивилизации, экономические и военные союзы) и надобщественные зоны, центры и особые надобщественные сферы, не принадлежащие ни одному обществу в отдельности; г) увеличиваются темпы эволюции в направлении создания сверхсложных предельных суперсистем (мир-систем, человечества), в рамках которых каждая общественная система, оставаясь автономной, становится частью такой сверхкрупной системы и развивается в ее рамках за счет специализации и особого внутрисистемного разделения функций.

Важно, что биологи акцентируют внимание на том, чтобы различать более и менее крупные ароморфозы. Методологически такой подход очень важен и для оценки степени значимости социальных ароморфозов, которые можно классифицировать по объему и уровню распространения, а также по степени влияния на ход социальной макроэволюции. В частности, социальные ароморфозы, характеризующиеся прежде всего пунктами «в» и «г», мы будем относить к ароморфозам, условно говоря, высшего типа, поскольку данный надобщественный уровень означает, что они повлияли на ход исторического процесса в целом, а не только изменили исто-

рическую судьбу отдельных обществ. А именно такие надсоциумные изменения мы и относили к социальной макроэволюции.

Таким образом, мы рассматриваем **социальную макроэволюцию как понятие, описывающее особый тип социальной эволюции, в рамках которого наблюдаются надсоциумные *ароморфозы* высших типов.**

ПОНЯТИЕ МИР-СИСТЕМЫ

Мир-Систему можно определить как термин, с помощью которого описывается **обладающая системными характеристиками предельная совокупность человеческих обществ, заметным образом прямо или опосредованно связанных между собой. При этом важно, что за границами данной совокупности уже не имеется значимых контактов и взаимодействий между обществами (их элементами) и другими компонентами, входящими в эту мир-систему, с одной стороны, и обществами и прочими компонентами, входящими в другую мир-систему, а равно не входящими ни в какую мир-систему, – с другой.**

Предельность понимается как такая граница, за которой если и есть контакты между обществами мир-системы и не входящими в нее социумами или их частями, то эти контакты не слишком существенны, то есть они даже по истечении значительного времени не ведут к серьезным изменениям в мир-системе. Подобно тому, как путешествия скандинавов в Новый Свет и их поселения там не привели ни к каким значимым изменениям ни в Америке, ни в Европе (см., например: Слезкин 1983: 16).

Формальным критерием определения Афроевразийской мир-системы как главной может служить то, что эта мир-система включала на всем протяжении своего существования заметно бóльшую часть обитаемой территории и (в особенности) населения мира, чем любая иная мир-система. А в последние несколько тысяч лет она включала более половины всего населения мира, и уже это дает нам достаточные основания обозначать данную социальную систему как Мир-Систему. Современная Мир-Система, реально охватывающая собой весь мир, появилась в результате расширения именно той системы, которую мы вслед за А. Г. Франком (Frank 1990; 1993; Frank and Gills 1993) обозначаем как Мир-Система

(и которая до конца XV в. была тождественна Афроевразийской мир-системе).

О МИР-СИСТЕМНОМ И ЦИВИЛИЗАЦИОННОМ ПОДХОДАХ

Мир-системный подход зародился в 60–70-е гг. прошлого века благодаря работам Ф. Броделя, А. Г. Франка, И. Валлерстайна, С. Амина и Дж. Арриги (Braudel 1973; Frank 1990; 1993; Frank and Gills 1993; Wallerstein 1987; Chase-Dunn and Hall 1994; 1997; Arrighi and Silver 1999; Amin *et al.* 2006). В какой-то мере он выступил не только в качестве оппонента, но и в качестве непосредственного развития цивилизационного подхода, оказавшего очень значительное влияние на историософию и теоретическую историю в XX столетии и по-прежнему остающегося одним из ведущих направлений в теории истории. Среди достижений цивилизационного подхода в контексте нашего исследования особенно ценными можно считать два: 1) критику европеоцентризма и всестороннее обоснование многолинейности развития социальной эволюции; 2) выход в теоретических построениях за пределы узконационального масштаба. Действительно, в XIX – начале XX в. до появления цивилизационного подхода в качестве стандартной эволюционирующей единицы обычно рассматривалось отдельное общество (см. об этом, например: Bentley 1996b). Однако основоположники цивилизационного подхода поставили вполне правомерный вопрос о том, что история отдельного общества не может с достаточной полнотой объяснить многие вещи.

Цивилизационный подход позволял существенно продвинуться в решении таких проблем. Однако правомерно ли было считать группу обществ, относимых к одной цивилизации, предельной эволюционирующей совокупностью, если возникали вопросы типа: «А можно ли адекватно объяснить эволюцию восточноазиатской цивилизации в XIX–XX вв., игнорируя ее взаимодействие с западноевропейской цивилизацией?» и т. п.? В этой связи нам кажется, что А. Тойнби вовсе не случайно говорил о цивилизации как «*наименьшей*» ячейке умпостигаемого поля исторического исследования» (Тойнби 1995: 24; курсив наш. – Л. Г., А. К. О поле исторического исследования в его интерпретации см.: Тойнби 1991: 21–42). В целом вставал вопрос об аналитическом выделении таких предельных эволюционирующих единиц, которые представляют собой не просто цивилизации, а группы цивилизаций или даже еще более

крупных систем. Одним из вариантов решения подобной задачи и стал мир-системный подход.

Таким образом, оказывалось совершенно невозможным с надлежащей глубиной анализировать ход исторического процесса, если не использовать различные методы, позволяющие исследовать надобщественные и надцивилизационные процессы. И хотя среди этих методов мир-системный является одним из самых продуктивных, его ни в коем случае нельзя рассматривать ни как единственный, ни как универсальный. Он имеет существенные недостатки, особенно в определенных концепциях (например И. Валлерстайна). На эти недостатки мы указываем ниже. Но он имеет и существенные достоинства, о которых мы еще скажем. Иными словами, мы не считаем никакой метод анализа пригодным для решения всех проблем. Методы выбираются исходя из научных задач. Как справедливо указывал Гастон Башляр (1987: 124), «метод образует единство с его применением».

Первая глобальная историческая система, которую попытались проанализировать создатели мир-системного подхода, – это именно современная система социальных организмов, охватывающая собою весь мир. Поэтому вполне логично, что система эта была названа именно «мир-системой» (*the world-system*). Однако достаточно скоро это понятие стало использоваться и для обозначения других предельных социальных систем. Наиболее известна версия мир-системного подхода, разработанная американским социологом Иммануилом Валлерстайном (Wallerstein 1974; 1987; 2004). Согласно И. Валлерстайну, современная мир-система формируется в так называемом «долгом шестнадцатом веке» (приблизительно 1450–1650 гг.). Однако до этого в мире существовало множество других мир-систем. Эти мир-системы И. Валлерстайн подразделяет на три типа: 1) «мини-системы»; 2) «мир-экономики»; 3) «мир-империи». Мини-системы были характерны для первобытных обществ, основанных на присваивающем хозяйстве. Для аграрных (и в особенности для сложных и сверхсложных аграрно-ремесленных) обществ характерны два других вида мир-систем: мир-экономики и мир-империи.

Мир-экономики представляют собой политически децентрализованные системы обществ, которые могут совпадать с цивилизациями, но могут охватывать собой и более одной цивилизации или, наоборот, только часть территории одной цивилизации. Системы

обществ в рамках мир-экономики объединены между собой реальными экономическими связями. Критерием реальности экономических связей между различными частями мир-системы, по И. Валлерстайну, является наличие между ними экономически значимых потоков «массовых товаров» (пшеницы, руды, хлопка, пеньки, орудий труда, предметов массового потребления и т. п.). Если продуктообмен между двумя регионами ограничивается только торговлей предметами роскоши, то, согласно И. Валлерстайну, нет оснований говорить об их принадлежности к одной мир-системе вообще и мир-экономике в частности.

Если мир-экономика оказывается политически централизована в рамках единой империи, то речь, согласно И. Валлерстайну, идет уже не о мир-экономике, а о мир-империи. Мир-экономики в целом характеризуются большим социально-экономическим динамизмом, но почти все докапиталистические мир-экономики рано или поздно трансформировались в мир-империи (мир-империи также нередко претерпевали распад, им на смену могли приходиться мир-экономики, но это оказывалось лишь началом нового цикла, завершившегося созданием очередной мир-империи на месте очередной мир-экономики).

По И. Валлерстайну, из этого правила было, по сути дела, лишь одно значимое исключение, подробно проанализированное им в его первой мир-системной монографии (Wallerstein 1974). В «долгом шестнадцатом веке» западноевропейская мир-экономика заблокировала ее намечавшееся превращение в единую мир-империю, испытала капиталистическую трансформацию, приведшую к появлению мир-экономики нового, капиталистического типа. Эта новая мир-система уже в «долгом шестнадцатом веке» испытала стремительную экспансию и после некоторой фазы относительной стабилизации реально охватила собой весь мир в XIX в.

Несмотря на то, что версия мир-системного подхода, разработанная Андре Гундер Франком (Frank 1990; 1993; Frank and Gills 1993), известна заметно меньше версии Валлерстайна, она, на наш взгляд, имеет гораздо большую научную ценность. А. Г. Франк обращает внимание на то обстоятельство, что в рамках подхода И. Валлерстайна само понятие «мир-система» во многом теряет свой смысл. Действительно, если в докапиталистическую эпоху мир состоял из сотен предельных социальных систем, то совер-

шенно непонятно, какой смысл обозначать каждую из них как «мир-систему».

Подход самого А. Г. Франка несравненно более логичен. Он считал, что речь должна идти лишь об одной Мир-Системе (которую он предпочитал обозначать именно с использованием заглавных букв). При этом, по А. Г. Франку, Мир-Система зародилась за много тысяч лет до «долгого шестнадцатого века» на Ближнем Востоке. Эта мысль отражена уже в названии известной коллективной монографии, изданной под его и Б. Джиллса редакцией: *Мир-Система: 500 или 5000 лет?* (Frank and Gills 1993). Эта Мир-Система прошла через целую серию фаз расширения и фаз сжатия, постепенно включая в себя все новые области нашей планеты, пока в XIX в. она не охватила собой весь мир. Подчеркнем, что XIX в., таким образом, стал не временем появления Мир-Системы, которая и до того существовала тысячи лет, а моментом ее кульминационного роста.

А. Г. Франк не отрицает того, что в Новое время Мир-Система испытала значительные структурные трансформации, связанные с переносом центра Мир-Системы из Восточной Азии в Западную Европу, а затем в Северную Америку, однако он с достаточными на то основаниями полагает, что речь идет именно о структурных трансформациях в рамках единой Мир-Системы, а не о появлении новой Мир-Системы.

СИСТЕМНО-СТРУКТУРНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ МИР-СИСТЕМЫ

Сам термин «Мир-Система», по нашему мнению, дает возможность рассматривать его условно **в двух аспектах: соответственно «Мира» и «Системы»**, при этом важно подчеркнуть, что оба аспекта теснейше связаны с социальной макроэволюцией. Аспект «Мира» означает анализ реальных/актуальных пространства и элементов структуры, а также фактического историко-временного развития. Соответственно этот аспект более реальный (то есть фактологический, осязаемый, проверяемый). Но сами по себе факты, как известно, могут быть интерпретированы по-разному, а часто просто не укладываются в интерпретацию. Второй аспект («Система») дает возможность рассматривать этот историко-географический и культурный комплекс (как и его трансформации) в системном плане, то есть в плане соотношения частей и целого; центров и периферий; смены центров и борьбы крупных частей за гегемонию;

взаимоотношения различных трендов развития в их взаимосвязи в единой системе; функционирования системы и отдельных ее специализированных частей; усложнения системы и подсистем, появления новых системных связей и несистемных явлений и т. д. Естественно, что это более концептуальный, а потому и дающий возможности для разных интерпретаций аспект. Но в любом случае, вне всякого сомнения, Мир-Система представляет собой особого рода систему (о применении понятия системы к Мир-Системе см. подробнее: Гринин, Коротаев 2008). Следовательно, мы не должны ограничиваться только формальным описанием системы, но должны подчеркнуть – наряду с общими чертами системы – и особые черты Мир-Системы как суперсложной и предельной системы, а именно:

1. **Ее предельность** в рамках реально-материального, а не абстрактного (историко-системного) развития. Иными словами, в нее входит очень много систем (которые, в свою очередь, представляют собой сложные системы, состоящие из систем меньшего уровня), но сама она не входит в материальную систему аналогичного класса (только постепенно входит в систему человечества, либо, напротив, можно считать, что она расширяется до отождествления себя с человечеством). В последние десятилетия понятия Мир-Системы и «мира людей», «глобальной общности человечества» совпадают в очень высокой степени. Предельность также означает, что для Мир-Системы как системы (в отличие от общества) главными будут ее внутренние взаимодействия, а не внешние воздействия, если не брать в данном случае во внимание взаимоотношения людей и природы в целом.

2. **Ее сверхсложность**, которая сильно влияет на систему взаимосвязей ее элементов. Чем сложнее система, тем условнее и ограниченнее некоторые ее системные качества. В частности, отсутствие или слабость внешних импульсов для Мир-Системы требует замены их на внутренние, что делает роль ароморфных изменений в рамках Мир-Системы особо значимой. С другой стороны, развитие одних частей Мир-Системы нередко должно идти за счет других. Естественно также, что воздействие Мир-Системы на разные свои структурные уровни, разные части, элементы очень неравномерное и неровное: от очень сильного до вполне номинального. Многие части Мир-Системы просто инкорпорированы в нее или да-

же едва инкорпорированы, так что ее воздействие в них ощущается только через очень длительное время. В этом плане как раз интересно проследить, как новые ароморфозы дают новые импульсы для прямых и обратных положительных и отрицательных связей.

3. Ее многоуровневость. Условно говоря, если брать за первый уровень отдельную политику, то в Мир-Системе будет по крайней мере четыре уровня: политика – региональная система политий («цивилизация») или региональная макрополития («империя») – макрорегион (например Юго-Восточная Азия) – Мир-Система.

4. Многомерность и многоаспектность структуры. Можно говорить о таких ее проекциях (аспектах), как: а) пространственная; б) временная; в) системная (с точки зрения единства: центр или центры – полупериферия – периферия; зоны взаимодействия, основные артерии и сети: информационные, торговые, финансовые; с точки зрения самодостаточных элементов структуры: общества, государства, цивилизации и т. п.). Следует также учитывать, что структурным и длительным временным интервалам должно соответствовать структурное и масштабное пространство (Wallerstein 1988), то есть историко-астрономическое время системно комбинируется с историко-географическим пространством.

В таком смысле, представляется, вполне можно использовать идею Валлерстайна о мир-экономиках и мир-империях как основу для классификации структурных частей Мир-Системы второго уровня (см. выше). Представляется, что это дает возможность до известной степени объединить «гундерфанковский» и «валлерстайновский» подходы. Можно, например, считать, что существует одна главная, предельная (но и сверхсложная) гундерфанковская Мир-Система, в рамках суперструктуры которой можно различать меньшие структурные единицы: мир-империи (или можно взять шире – мир-политики); мир-экономики; мир-идеологии (цивилизации); мир-суперэтноты и т. п. образования, которые один из авторов статьи называл «пространственно-временными группировками обществ» (Гринин 1998).

При анализе Мир-Системы системный ее характер не всегда принимается во внимание и – главное – не всегда анализируется с теоретической точки зрения (и еще менее учитывается особость ее как предельной суперсистемы). Между тем очевидно, что некоторые важные проблемы видятся существенно по-иному, если рас-

смаывать их с такой системной точки зрения. В частности, рост всей системы (Мир-Системы) может обеспечиваться угнетением определенных ее частей, и наоборот: расцвет тех или иных обществ может приводить к временному снижению уровня развития Мир-Системы (как, например, было при монгольских завоеваниях); в то же время в рамках системы происходит время от времени переструктуризация, которая обеспечивает новые импульсы для макроэволюции. Следовательно, подъем или упадок отдельных обществ и регионов, перемещение центров развития, быстрые похожие и почти синхронные изменения (с учетом неизбежного временного лага) на значительной территории (например, такие феномены, как Осевое время в I тыс. до н. э., рубеж между древним миром и средневековьем, формирование нового типа государственности в Европе и Азии в XVI в. н. э. и т. д.) и многое другое могут дополнительно (или главным образом) быть объяснены именно системностью Афроевразийского мира в соответствующую эпоху, которая включает в себя ту или иную, но достаточно релевантную степень зависимости ее частей, элементов и компонентов друг от друга; наличие определенной структуры, которая повторяет себя довольно длительное время; наличие обратных положительных и отрицательных связей в отношении и в рамках всей системы, которые прослеживаются на протяжении длительного времени, например в демографических показателях.

Хотя Кристофер Чейз-Данн и Томас Холл (Chase-Dunn and Hall 1997) предпочитают говорить не об одной, а о целом ряде мир-систем, тем не менее, можно согласиться с их мыслью о том, что мир-система конституируется не просто межсоциумными взаимодействиями, но всей совокупностью этих взаимодействий, которая создает и конституирует целостную систему. Таким образом, в Мир-Системе вполне проявляется фундаментальное качество системы, согласно которому целое не равно его части.

Важнейшими свойствами Мир-Системы являются следующие: а) появление какой-либо новой функциональной (или ароморфной) зоны, нового центра влечет за собой раньше или позже не только подтягивание к этому центру сопредельных территорий, но и появление затем в других местах аналогичных по функциональности и ароморфности центров. Так, появление первых цивилизаций привело затем к новым волнам формирования цивилизаций; б) далее эти центры начинают конкурировать между собой и

взаимодействовать самым различным способом, взаимно воздействуя друг на друга; в) полицентризм этой функции сохраняется даже в случае политической унификации крупных регионов; г) эта функция затем обретает более сложные черты, или большую ароморфность (возможность к расширению и т. п.). И далее процесс может идти по тому же алгоритму. В отношении цивилизованности мы видим, что в конце концов она становится неотъемлемой чертой Мир-Системы. Далее, на новом витке, это происходит с мировыми религиями, поскольку цивилизованность становится неразрывно связанной с наличием ряда мировых религий или их аналогов (см., например: Гринин 1998). То же касается появления и развития государственности. Это же касается и государственности в плане геополитической «имперскости», то есть в смысле стремления к господству над миром.

Стоит теперь остановиться на вопросе: почему из всех аграрных мир-систем именно зародившуюся на Ближнем Востоке мы имеем право считать уже с самого начала ведущей? Дело в том, что «ближневосточная» Мир-Система:

а) ретроспективно постоянно увеличивала свою значимость, инкорпорируя и поглощая другие мир-системы и крупные культурные регионы;

б) оказывала большее влияние на них, чем они на нее;

в) в некоторых отношениях с **самого начала** была более развитой (к этому вопросу мы еще вернемся ниже);

г) наконец, с самого своего возникновения и на протяжении многих тысячелетий она постоянно лидировала, имела тенденцию к постоянному расширению, усложнению, влиянию на другие регионы и более высокую скорость развития.

Вот почему мы и можем обозначить эту мир-систему как главную, как Мир-Систему. Кроме того, как уже выше сказано, формальным критерием здесь является то, что именно в ней на протяжении последних тысячелетий сосредоточивалось более половины населения мира.

О ХАРАКТЕРЕ СВЯЗЕЙ В МИР-СИСТЕМЕ

Как уже было показано нами ранее (Коротаев, Малков, Халтурина 2005а; 2005б; 2007; Коротаев, Комарова, Халтурина 2007; Гринин, Коротаев 2008), наличие информационной сети, охватывающей всю Мир-Систему, является совершенно достаточным ус-

ловием, которое делает возможным рассматривать всю Мир-Систему как единое развивающееся целое. Между тем уже для неолитического периода, начиная с докерамического неолита, многие исследователи вполне, на наш взгляд, обоснованно говорят о существовании единого информационного пространства, которое задолго до культуры Урука существовало на огромной территории от Центральной Турции до Синайского полуострова (см. подробнее: Ламберг-Карловски, Саблов 1992: 87; Бондаренко 2006).

Поэтому необходимо особо обратить внимание, что у нас не было бы оснований говорить о Мир-Системе, простирающейся от Атлантики до Тихого океана, даже для начала I тыс. н. э., если бы мы применяли критерий «массовых товаров» (*«bulk-good» criterion*), предложенный И. Валлерстайном (Wallerstein 1974; 1987; 2004), потому что в это время какое-либо движение массовых товаров, скажем, между Китаем и Европой, полностью отсутствовало. В отношении же попадавшего в Европу китайского шелка И. Валлерстайн прав, определяя его как предмет роскоши, а не массовый товар. Однако Мир-Система I в. н. э. (и даже IX–I тыс. до н. э.) может вполне быть определена именно как Мир-Система, если мы применим здесь более мягкий критерий «информационной сети», предложенный К. Чейз-Данном и Т. Д. Холлом (Chase-Dunn and Hall 1997).

Да, в I тыс. до н. э. какие-либо массивные товаропотоки между Тихоокеанским и Атлантическим побережьями Евразии были принципиально невозможны. Однако Мир-Система достигла к этому времени такого уровня интеграции, который уже делал возможным распространение по всей Мир-Системе принципиально важных технологий за промежутки времени, заметно меньшие тысячелетия. Впрочем, стоит отметить, что в рамках зарождающейся Мир-Системы (то есть в районе плодородного полумесяца) имела место крупномасштабная по тем временам торговля, причем именно стратегическими и важными хозяйственными товарами. В частности, с анатолийского плато обсидиан, пользовавшийся большим спросом для изготовления каменных орудий, широко распространялся на всем Ближнем Востоке, по крайней мере, уже в VII в. до н. э. (Ламберг-Карловски, Саблов 1992: 87). Вероятно, также торговали пищевыми товарами, кожей и текстилем (Там же).

Таким образом, Мир-Система является очень широкой, практически предельной надобщественной системой, объединяющей массу обществ различными связями, причем последние первоначально были в основном информационными, частично – межкультурными или межэтническими (см., например: Bentley 1996a). Во всяком случае, уже для начальных периодов формирования Мир-Системы зафиксированы достаточно масштабные миграции.

В дальнейшем связи, с одной стороны, все заметнее становились торговыми и экономическими, а с другой – военно-политическими. Последнее, кстати, также потребовало введения и распространения новых технологий коммуникации (см., например: Bentley 1996a). А следовательно, переход Мир-Системы на каждый новый уровень развития неизбежно был связан с развитием хозяйства, торговли, распространением новых технологий, расширением и укреплением коммуникативных сетей, что, естественно, после IV тыс. до н. э. было немыслимо без мощного подъема урбанизации.

При рассмотрении общих тенденций развития Мир-Системы необходимо отметить следующее:

а) сам ее переход на новый этап каждый раз подготавливается новыми, несистемными для прежнего этапа развития явлениями в развитии различных сфер жизни;

б) переход Мир-Системы на новый этап вызывает кумулятивный эффект распространения (путем заимствования, модернизации, насильственной трансформации и интеграции и т. д.) новых явлений на территории, которые оказываются неготовыми к самостоятельной трансформации в соответствующем направлении;

в) говоря об устойчивости Мир-Системы в целом, мы имеем в виду, что ее можно в известном смысле рассматривать и в качестве реальной и многофункциональной надобщественной суперсистемы, в рамках которой время от времени происходят сложные изменения и рекомбинации, в конце концов повышающие уровень сложности суперсистемы в целом, несмотря на временные откаты;

г) стоит также заметить, что сама полифункциональность Мир-Системы постоянно, хотя и не быстро, увеличивается – иными словами, число функций, которые реально оказываются релевантными для входящих в Мир-Систему обществ и их группировок, возрастает. Если первичные наиболее важные связи при генезисе Мир-

Системы мы определяли как прежде всего информационные, то далее растёт роль экономических, военных, политических, цивилизационных, дипломатических и прочих. Причем идет дифференциация и этих функций (например экономическая может включать в себя как торговлю, так и кредит, перемещение драгоценных металлов, специализацию хозяйства для международного рынка, создание особых экономических и прочих союзов; а равно производство средств производства и производственных материалов на рынок, например бронзы или стали; поддержание в порядке важнейших коммуникаций и т. п.).

МИР-СИСТЕМА НА ШКАЛЕ СОЦИАЛЬНОЙ МАКРОЭВОЛЮЦИИ

Важнейшим вопросом в связи с вышесказанным становится определение периода, с которого уже можно реально говорить о Мир-Системе. Вопрос о точке отсчета начала формирования Мир-Системы, естественно, является предметом довольно разноречивых мнений. Так, например, А. Г. Франк был склонен датировать это начало IV–III тыс. до н. э. (Frank 1990; 1993). Ю. Е. Березкин считает, что Мир-Система начала складываться только во II тыс. до н. э., а ее возникновение можно датировать V–III вв. до н. э. (Березкин 2007: 92–93). Мы относим ее начало к намного более раннему периоду и считаем, что **аграрная революция оказалась рубежом, который позволяет фактически в определенном смысле разделить всю социальную макроэволюцию на домир-системный и мир-системный периоды.**

Налицо следующие отличия межобщественных систем аграрного от доаграрного периода: а) доаграрные имели в качестве основных параметров географический разброс и определенную культурную вариативность; а аграрные, и особенно цивилизационные, приобрели еще и на порядки более значимый разброс по шкале социокультурной сложности, когда в мир-систему входят общества с принципиально разными уровнями развития. В доаграрных межобщественных системах такой разброс был существенно меньшим; б) следует упомянуть, что в доаграрных межобщественных системах имелось то, что называется этнической, языковой и культурной непрерывностью (см. о ней, например: Арутюнов 1982: 55–82), то есть в целом бóльшая культурная (этническая и языковая) близость, чем в аграрных (и в особенности в сложных аграрных) обществах; г) в Мир-Системе, несмотря на все частичные и региональные отка-

ты, степень сохранения достижений и особенно степень их распространения была на порядки выше, чем в период присваивающего хозяйства (= «домир-системный» период).

Доаграрные межобщественные и надобщественные системы непродуктивно считать мир-системами (поскольку системность в них была выражена существенно слабее как в самих структурных единицах, так и в отношениях между ними), а лучше рассматривать как мир-культуры.

Домир-системный и мир-системный периоды сильно различаются также и в плане эволюционного развития. С некоторого периода в ходе макроэволюции прослеживается скачкообразное общее повышение сложности на системном уровне. В итоге социальная макроэволюция существенно меняет свой «алгоритм», что значимо влияет на модификацию законов и их релевантность для разных крупных эпох; меняется сам «алгоритм» социальной макроэволюции. В частности, в течение периода присваивающего принципа производства по причине того, что крупных ароморфозов было еще мало, темпы социоэволюционного процесса были относительно медленными, а направленность макроэволюции – очень нечеткой. Такой тип макроэволюции мы обозначили как социально-природный (см.: Гринин, Коротаев 2007). В результате системы взаимосвязанных крупнейших социальных ароморфозов, связанных с аграрной революцией, постепенно состоялся переход от социально-природного типа макроэволюции к социально-историческому типу макроэволюции.

Сказанное выше о принципе полицентричности в Мир-Системе относится и к самому процессу генезиса Мир-Системы. Говорить о начале ее формирования, как указано выше, можно только с началом процесса появления и развития производящего хозяйства, хотя отдельные явления-предвестники могли наблюдаться и в палеолите. Однако первичных очагов появления производящего хозяйства было больше, чем один (так же, как и очагов появления государственности, письменности, металлургии и некоторых других крупнейших ароморфозов). Можно говорить по крайней мере о трех таких макроочагах: ближневосточном, дальневосточном и американском. При этом в рамках каждого макроочага существовал не один локальный центр, а два или более. В частности, на Ближнем Востоке для периода мезолита и неолита можно говорить о палестино-сирийском, малоазийском, иракском (включавшем часть Ирана и

Северной Месопотамии) и других первичных аграрных и соответственно культурных центрах (см., например: Ламберг-Карловски, Саблов 1992; Массон 1989; Бадер 1989), а несколько позже возникает и усиливается месопотамский центр; в Новом Свете можно говорить о мезо- и южноамериканском центре. При этом каждый такой макроочаг потенциально претендовал в будущем на статус Мир-Системы. Американские очаги, как понятно, стали основой для развития американской мир-системы, которая, однако, не смогла по темпам развития соперничать с Афроевразийской Мир-Системой.

Что касается дальневосточного очага, то он, во-первых, не имел такого широкого ареала, как ближневосточный, а во-вторых, существенно отставал в темпах развития. Поэтому фактически он оказался инкорпорированным в разросшуюся Мир-Систему, что и было уже показателем перехода Мир-Системы в более или менее зрелую фазу.

Таким образом, Ближневосточная (в дальнейшем – Афроевразийская) мир-система в некоторых отношениях с самого начала была более развитой. В частности, хотя переход к производящему хозяйству и начался достаточно рано на Дальнем Востоке и в Юго-Восточной Азии, но он шел во многих случаях на базе эволюционно «непроходных» (огородных) культур; также практически повсеместно не было поселений протогородского типа (тем более крепостей, которые указывают на интенсивность контактов) и т. п. В Новом же Свете хотя города и были, почти не было животноводства и широкого использования металлов (только драгоценных и в небольшом объеме меди). Между тем именно протогорода и города являются показателем более развитого типа мир-системы на Ближнем Востоке. В целом первичный переход к широкомасштабному интенсивному земледелию, письменности и государству на втором этапе развития Мир-Системы (см. ниже) был не случаен – он подготавливался достижениями предыдущего периода.

Мы говорили о Мир-Системе как в определенном смысле о предельной системе, как о своего рода *суперсистеме*, которая объединяет в себе много других систем, таких как государства, негосударственные общества, различные социальные, пространственно-культурные и политические образования вроде цивилизаций, союзов, конфедераций. Благодаря указанной выше предельности уровень эволюционного поля в Мир-Системе становится принци-

пиально более широким по сравнению с другими социальными системами. Поэтому, как нам представляется, в Мир-Системе сам ход социальной эволюции существенно модифицируется, поскольку все более плотными становятся контакты, а значит, все заметнее роль макроэволюции именно как наиболее релевантных (ароморфных) изменений в рамках предельной системы или ее крупных частей. В некотором смысле можно даже сказать, что самостоятельная на уровне независимых обществ эволюция постепенно прекращается, поскольку на эволюцию отдельных обществ все сильнее воздействуют макроэволюционные ароморфозы, распространяющиеся в рамках мир-системы. Таким образом, самостоятельная эволюция обществ обладает медленной скоростью именно потому, что эта эволюция самостоятельна, не имеет важных внешних воздействий от аналогичных ей систем. Чем более крупной и разнообразной по составу своих элементов, по своей структуре оказывается социальная система, чем больше и сложнее в ней связи, тем при прочих равных условиях выше скорость ее развития. А отсюда и разный темп развития в обществах, входящих в мир-систему, и изолятах; в главной Мир-Системе и периферийных мир-системах (например американской).

КРАТКАЯ ПЕРИОДИЗАЦИЯ ИСТОРИИ МИР-СИСТЕМЫ

Прежде всего стоит выделить некий этап, который можно обозначить как *протомир-системный*. В этот период еще нельзя говорить о Мир-Системе даже в самом первичном смысле, но это своего рода подготовительный к началу генезиса Мир-Системы этап. Очень приблизительно его можно датировать X – началом VIII тыс. до н. э., то есть до появления первых протогородов, к каковым можно отнести, скажем, Иерихон периода докерамического неолита А (PPNA).

Первый этап развития Мир-Системы – собственно завершение формирования контуров и структуры первичной Мир-Системы, появление поселений, уже не являющихся по размерам и особенностям застройки простыми «деревнями», то есть первых городов и сложных политий. Его, несомненно, достаточно логично связать с завершением первого этапа аграрной революции на Ближнем Востоке. Это примерно период VIII–IV тыс. до н. э. В конце этого

этапа появляются первые государства и цивилизации, а также целая система городов.

Второй этап развития Мир-Системы – завершение аграрной революции, что соответствует выходу в аттрактор сложного аграрно-ремесленного общества, пребыванию в зоне притяжения этого аттрактора и началу фазового перехода к сверхсложному аграрному обществу. На этом этапе происходит переход к интенсивному ирригационному земледелию, что также способствовало развитию ремесел и торговли. На этой базе появляются первые государства, растут города (см., например: Массон 1989: 100). **Это примерно III – первая половина I тыс. до н. э.** В конце этого этапа аграрная революция окончательно завершается за счет распространения технологии плужного неполивного земледелия с использованием орудий, имеющих железные рабочие части. В результате этих процессов начинается переход уже к экономическим связям внутри отдельных значительных по территории компонентов Мир-Системы, в частности, торговых связей от Египта до Афганистана и долины Инда (см., например: Bentley 1996a), формирование крупных участков ее интенсивного развития, удлинение связей. Создаются также новые политические структуры, включая появление первых крупных государств и империй.

Этот этап характерен слиянием прежде двух самостоятельных (или почти самостоятельных, это во многом неясный вопрос) центров формирования Мир-Системы: переднеазиатского, охватившего уже огромные территории в Азии, Африке и Европе, и восточноазиатского (см., например: Березкин 2007) при доминантной роли все-таки первого центра. Это период появления второго поколения цивилизаций, а его конец относится уже к так называемому Осевому времени (Ясперс 1994).

Третий этап развития Мир-Системы – период зрелости аграрно-ремесленных цивилизаций. **Это период второй половины I тыс. до н. э. – первой половины II тыс. н. э.** Стоит заметить, что, несмотря на падение тех или иных развитых государств, в целом в пределах Мир-Системы совокупные площади их территории и количество населения остаются в пределах одного порядка. Это свидетельствует о состоянии относительной устойчивости также и Мир-Системы в целом, несмотря на различные изменения в от-

дельных ее частях. В XIII–XIV вв. создается мощный сухопутный торговый путь через территории монгольских государств, реально связавший основные зоны в Мир-Систему. В конце этого периода появляются первые (после распада Римской империи) развитые государства в Европе, которым суждено было сыграть в дальнейшем большую роль. Формируется уже (как прообраз будущей Мир-Экономики) и урбанизованная зона от Северной Италии до Нидерландов, где преобладающей формой экономики становится тип товарного производства (см., например: Bernal 1965; Wallerstein 1974; Blockmans 1989: 734). Это период появления и расцвета цивилизаций третьего поколения, основанных на мировых религиях.

Четвертый этап развития Мир-Системы – это период XV – начала XVIII вв. Этот этап связан с началом (первой фазой) промышленной революции, Великими географическими открытиями, что дает новый мощный толчок развитию Мир-Системы. Во-первых, она резко расширяется территориально, во-вторых, начинает превращаться в капиталистическую мир-систему уже по Валлерстайну (Wallerstein 1974; 1980; 1987; 1988; 2004), поскольку все активнее происходит обмен товарами массового потребления. А некоторые территории (особенно в Новом Свете) полностью специализируются на их производстве. О высокой степени интегрированности Мир-Системы в этот период говорит и мощнейший эффект так называемой революции цен, то есть резкий рост цен в результате массового ввоза в Европу золота и серебра из Нового Света, который затронул не только Европу, но и Ближний Восток, в частности Османскую империю (см., например: Barkan and McCarthy 1975; Goldstone 1988). Это период все большего доминирования вырвавшейся вперед западной цивилизации, хотя в это время несомненны также экономические, политические и культурные достижения в ряде иных цивилизаций, например конфуцианской (см. о соотношении развития западного и незападного мира в этот период: Frank 1978; 1998; Франк 2002; Мельянцев 1996).

Пятый этап развития Мир-Системы связан со вторым этапом промышленной революции (так называемым промышленным переворотом XVIII–XIX вв.), но, конечно, особенно с изменениями в транспорте и связи, что и привело к фактическому превращению Мир-Системы, остававшейся все еще преимущественно информационной, в Мир-Систему, обменивающуюся от Атлантики до Ти-

хого океана товарами и услугами, имеющую теперь уже вместо непостоянных и фрагментарных мощные и постоянные информационные потоки. Мало того, эта Мир-Система основывается на международном разделении труда. Временная победа западной цивилизации выразилась в создании огромных колониальных империй, но в то же время это стало толчком для начала возрождения духовных основ, на которых держались иные цивилизации, особенно исламская и конфуцианская.

Шестой этап развития Мир-Системы связан с научно-информационной революцией второй половины XX в. Это период сильной трансформации всех цивилизаций мира.

Литература

Арутюнов, С. А. 1982. Этнические общности доклассовой эпохи. *Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе* (с. 55–82) / ред. Ю. В. Бромлей. М.: Наука.

Бадер, Н. О. 1989. *Древнейшие земледельцы Северной Месопотамии*. М.: Наука.

Башляр, Г. 1987. *Новый рационализм* / пер. с фр. М.: Прогресс.

Березкин, Ю. Е. 2007. О структуре истории: временные и пространственные составляющие. *История и Математика: Концептуальное пространство и направления поиска* (с. 88–98) / ред. П. В. Турчин, Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, С. Ю. Малков М.: КомКнига/УРСС.

Бондаренко, Е. С. 2006. Информационное поле неолита Ближнего Востока. *История и современность* 2: 47–66.

Гринин, Л. Е. 1998. Формации и цивилизации. Глава 6. Понятие цивилизации в рамках теории исторического процесса. *Философия и общество* 2: 5–89.

Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В.

2007. Социальная макроэволюция и исторический процесс (к постановке проблемы). *Философия и общество* 2: 19–66; 3: 5–48; 4: 17–50.

2008. *Социальная макроэволюция. Генезис и трансформации Мир-Системы*. В печати.

Гринин, Л. Е., Марков, А. А., Коротаев, А. В. 2008. *Макроэволюция в живой природе и обществе*. М.: КомКнига. В печати.

Классен, Х. Й. М. 2000. Проблемы, парадоксы и перспективы эволюционизма. В: Крадин, Н. Н., Коротаев, А. В., Бондаренко, Д. М., Лында, В. А. (ред.), *Альтернативные пути к цивилизации* (с. 6–23). М.: Логос.

Коротаев, А. В.

1997. *Факторы социальной эволюции*. М.: Ин-т востоковедения РАН.

2003. *Социальная эволюция: факторы, закономерности, тенденции*. М.: Вост. лит-ра.

Коротаев, А. В., Комарова, Н. Л., Халтурина, Д. А. 2007. *Законы истории. Вековые циклы и тысячелетние тренды. Демография. Экономика. Войны*. М.: КомКнига/УРСС.

Коротаев, А. В., Малков, А. С., Халтурина, Д. А.

2005а. *Законы истории: Математическое моделирование исторических макропроцессов (Демография. Экономика. Войны)*. М.: УРСС.

2005б. Компактная математическая макромоделю технико-экономического и демографического развития Мир-Системы (1–1973 гг.). *История и синергетика: Математическое моделирование социальной динамики* (с. 6–48) / ред. С. Ю. Малков и А. В. Коротаев. М.: УРСС.

2007. *Законы истории: Математическое моделирование развития Мир-Системы. Демография, экономика, культура*. М.: КомКнига/УРСС.

Ламберг-Карловски, К., Саблов, Дж. 1992. *Древние цивилизации. Ближний Восток и Мезоамерика* / пер. с англ. М.: Наука.

Массон, В. М. 1989. *Первые цивилизации*. Л.: Наука.

Матвеев, Б. С. 1967. Значение воззрений А. Н. Северцова на учение о прогрессе и регрессе в эволюции животных для современной биологии. В: Северцов, А. Н., *Главные направления эволюционного прогресса* (с. 140–172). М.: Изд-во МГУ.

Мельянцева, В. А. 1996. *Восток и Запад во втором тысячелетии*. М.: МГУ.

Северцов, А. Н.

1939. *Морфологические закономерности эволюции*. М. – Л.: Изд-во АН СССР.

1967. *Главные направления эволюционного процесса*. 3-е изд. М.: Изд-во Моск. ун-та.

Северцов, А. С. 1987. Критерии и условия возникновения ароморфной организации. *Эволюция и биоэкологические кризисы*. М.: Наука.

Слезкин, Л. Ю. 1983. Основание первых английских колоний в Северной Америке. *История США* / отв. ред. Н. Н. Болховитинов. Т. 1: 15–49. М.: Наука.

Тойнби, А. Дж.

1991. *Постижение истории* / пер. с англ. М.: Прогресс.

1995. *Цивилизации перед судом истории* / пер. с англ. СПб.: Ювента.

Франк, А. Г. 2002. Азия проходит полный круг – с Китаем как «Срединным государством». В: Чубарьян, А. О. (отв. ред.), *Цивилизации*. Вып. 5. *Проблемы глобалистики и глобальной истории* (с. 192–203). М.: Наука.

Шмальгаузен, И. И.

1939. *Пути и закономерности эволюционного процесса*. М. – Л.: Изд-во АН СССР.

1969. *Проблемы дарвинизма*. Л.: Наука.

Ясперс, К. 1994. *Смысл и назначение истории*. М.: Республика.

Amin, S., Arrighi, G., Frank, A. G., and Wallerstein, I. 2006. *Transforming the Revolution: Social Movements and the World-System*. Delhi: Aakar.

Arrighi, G., and Silver, B. J. 1999. *Chaos and Governance in the Modern World System*. Minneapolis: University of Minnesota Press.

Barkan, O., McCarthy, J. 1975. The Price Revolution of the Sixteenth Century: A Turning Point in the Economic History of the Near East. *International Journal of Middle East Studies* 6(1): 3–28.

Bentley, J. H.

1996a. Cross-Cultural Interaction and Periodization in World History. *American Historical Review* (June): 749–770.

1996b. Shapes of World History in Twentieth Century Scholarship. *Essays in Global and Comparative History*. Washington, DC: American Historical Association.

Bernal, J. D. 1965. *Science in History*. 3rd ed. New York: Hawthorn Books.

Blockmans, W. T. 1989. Preindustrial Europe. *Theory and Society* 18(5), Special Issue on Cities and States in Europe, 1000–1800: 733–755.

Braudel, F. 1973. *Capitalism and Material Life, 1400–1800*. New York, NY: Harper and Row.

Chase-Dunn, C., and Hall, T. D.

1994. The Historical Evolution of World-Systems. *Sociological Inquiry* 64: 257–280.

1997. *Rise and Demise: Comparing World-Systems*. Boulder, CO: Westview Press.

Claessen, H. J. M.

1989. Evolutionism in Development. *Vienne Contributions to Ethnology and Anthropology* 5: 231–247.

2000. Problems, Paradoxes, and Prospects of Evolutionism. In Kradin, N. N., Korotayev, A. V., Bondarenko, D. M., de Munck, V., and Wason, P. K. (eds.), *Alternatives of Social Evolution* (pp. 1–11). Vladivostok: FEB RAS.

Claessen, H. J. M., and Oosten, J. G. 1996. Introduction. In Claessen, H. J. M., and Oosten, J. G. (eds.), *Ideology and Formation of Early States* (pp. 1–23). Leiden: Brill.

Claessen, H. J. M., and van de Velde, P.

1982. Another Shot at the Moon. *Research* 1: 9–17.

1985. The Evolution of Sociopolitical Organization. In Claessen, H. J. M., van de Velde, P., and Smith, M. E. (eds.), *Developments and Decline. The Evolution of Sociopolitical Organization* (pp. 1–12). South Hadley MA: Bergin & Garvey.

1987. Introduction. In Claessen, H. J. M., and van de Velde, P. (eds.), *Early State Dynamics* (p. 1–23). Leiden etc.: Brill.

Frank, A. G.

1978. *World Accumulation 1492–1789*. New York, NY: Monthly Review Press.

1990. A Theoretical Introduction to 5,000 Years of World System History. *Review* 13(2): 155–248.

1993. The Bronze Age World System and its Cycles. *Current Anthropology* 34: 383–413.

1998. *ReORIENT: Global Economy in the Asian Age*. Berkeley, CA: University of California Press.

Frank, A. G., and Gills, B. K. (eds.) 1993. *The World System: Five Hundred Years of Five Thousand?* London: Routledge.

Goldstone, J. 1988. East and West in the Seventeenth Century: political crises in Stuart England, Ottoman Turkey and Ming China. *Comparative Studies in Society and History* 30: 103–142.

Hallpike, C. R. 1986. *Principles of Social Evolution*. Oxford: Clarendon.

Mesoudi, A., Whiten, A., and Laland, K. 2006. Towards a Unified Sciences of Cultural Evolution. *Behavioral and Brain Sciences* 29: 329–383.

Voget, F. W. 1975. *A History of Ethnology*. New York, NY: Holt, Rinehart & Winston.

Wallerstein, I.

1974; 1980; 1988. *The Modern World-System*. 3 vols. New York, NY: Academic Press.

1987. *World-Systems Analysis. Social Theory Today*. Stanford, California: Stanford University Press.

1988. The Inventions of Time-Space Realities. Towards an Understanding of Our Historical Systems. *Geography* 73(4): 289–297.

2004. *World-Systems Analysis: An Introduction*. Durham, NC: Duke University Press.